

У кровяной колбасы было немало способов приготовления, но если хотелось распробовать ее самый изначальный, чистый вкус, лучше всего было есть ее с соусом для обмакивания.

Гу Дао достал острое масло с сычуаньским перцем, которое недавно специально сделал для застолий, затем нарезал немного кинзы, зеленого лука, маленького острого перца и чеснока. Он по очереди положил всё это в чашку, добавил ложку соевого соуса, немного соли и перца, а затем тщательно размешал.

Стоило взять палочками кусок кровяной колбасы и обвалить его в соусе, как тот делал вкус колбасы гуще и насыщеннее; особый чесночный аромат еще и прекрасно уравнивал жирность кровяной колбасы, отчего ее вкус становился свежее. Не говоря уже о тайном остром масле Гу Дао: оно добавляло вкусу кровяной колбасы еще больше слоев. Свежесть смешивалась с легким онемением от сычуаньского перца и пряной остротой, так что, съев один кусок, человек уже не мог остановиться.

Дин Сяочжу, видя, как Гу Дао ест с наслаждением, тоже не смог больше ждать, подхватил кусок и сунул в рот. В животе у него не было столько чернил, чтобы описать всю прелесть этого вкуса; он знал только одно: от одного этого куса кровяной колбасы ему показалось, будто первую половину жизни он прожил зря.

— Учитель, это слишком вкусно! Как же я раньше такого не ел?

Гу Дао улыбнулся и ничего не сказал.

— Учитель, тогда...

Дин Сяочжу вдруг стал мяться.

Как Гу Дао мог не понять, что он имеет в виду? Он достал из шкафчика сбоку чистую промасленную бумагу, завернул для Дин Сяочжу целых три кровяные колбасы, да еще дал маленькую бутылочку острого масла с сычуаньским перцем. Дин Сяочжу был так тронут, что едва прямо на месте не устроил представление под названием «суровый мужчина роняет слезы».

Гу Дао такого видеть не мог, поэтому прежде чем Дин Сяочжу успел обнять его и разрыдаться, быстро выставил ученика за дверь. После этого он взял полную тарелку кровяной колбасы и отнес ее Цзин Яо и тете Лю.

Цзин Яо и тетя Лю, как и Дин Сяочжу, впервые ели такую вещь, как кровяная колбаса. Глядя на лежащие на тарелке колбаски, белые с красноватым оттенком, оба немного не решались притронуться к ним.

Но в конце концов они всё же не устояли перед волнами аромата, исходившими от кровяной

колбасы, набрались смелости и попробовали по кусочку. И одного этого кусочка хватило, чтобы мгновенно покорить обоих. Цзин Яо ел так, что уже не мог остановиться, а тетя Лю, напротив, съела немного. Не потому, что ей не пришлось по вкусу, а потому, что она по привычке хотела оставить всё хорошее детям в семье.

На следующий день Дин Сяочжу, как и прежде, пришел к дому Гу с самого утра, чтобы вместе с Гу Дао делать подливки. Вчера после открытия лапшичного лотка дела пошли на удивление хорошо. Чжан Чэнфу заказал по двадцать порций каждого вида подливки, но всё равно не хватило на продажу. Едва закрыв лоток, супруги сразу направились в Люцунь и попросили Гу Дао сегодня приготовить побольше. Изначально они собирались заказать по сорок порций каждого вида, но Гу Дао посчитал, что это слишком много, боясь, что они не успеют всё распродать, и настойчиво уговорил их сократить количество до тридцати.

Гу Дао и Дин Сяочжу провозились всё утро и наконец успели приготовить подливки до прихода супругов Чжан. Когда Чжан Чэнфу увез их, Гу Дао разделил с Дин Сяочжу заработок, и каждый вернулся отдыхать.

Когда Гу Дао снова проснулся, уже совсем рассвело. Он с Цзин Яо просто перекусил, и Дин Сяочжу снова пришел. Сегодня был тот день, когда они должны были составить меню для дня рождения матушки учителя из уездного города. Едва войдя во двор, Дин Сяочжу с полной уверенностью начал зачитывать Гу Дао меню, которое сам придумал.

Над этим меню они с женой ломали голову целых два дня, и Дин Сяочжу был уверен, что непременно заслужит похвалу учителя. Кто бы мог подумать, что, выслушав, Гу Дао помрачнеет.

Сердце Дин Сяочжу от этого резко дрогнуло, и он пробормотал:

— Учи... учитель, это меню...

Глядя на то, как лицо Гу Дао становилось всё темнее, Дин Сяочжу уже не осмеливался говорить дальше.

Гу Дао, однако, не стал срываться на Дин Сяочжу, а лишь спокойно спросил:

— Как ты составлял это меню?

Дин Сяочжу решил, что Гу Дао понял: меню они придумывали вместе с женой, и поспешно объяснил:

— Учитель, жена думала вместе со мной. Но она придумала немного, в основном всё это я сам

обдумывал.

— Тогда расскажи, как именно ты решил составить такое меню.

Дин Сяочжу почесал голову и с тревогой ответил:

— Раньше, когда я готовил застолья в деревне, всегда были эти несколько блюд. А потом я просто немного изменил их по требованиям учителя.

— То, что ты подумал немного изменить меню согласно требованиям учителя, - это хорошо.

Услышав это, Дин Сяочжу уже приподнял уголки губ, но следующие слова Гу Дао заставили улыбку, еще не успевшую расцвести, тут же спрятаться обратно.

— Но ты забыл об одной очень важной вещи. На этот раз застолье нужно готовить для учителя из уездного города. Его положение и статус отличаются от деревенских земледельцев, поэтому нельзя просто переносить прежнее меню как есть. Это меню нужно определять исходя из требований учителя и положения приглашенных гостей.

Дин Сяочжу хоть и был глуповат, но смысл слов Гу Дао понял. Его меню было не то чтобы составлено плохо - оно было неподходящим.

Однако с тех пор как Дин Сяочжу начал заниматься этим делом, тесть именно так и учил его составлять меню, и он всё это время следовал этому способу. Теперь вдруг попросили заново составить что-то другое, и Дин Сяочжу, хоть голову разбей, не мог ничего придумать.

Гу Дао и не рассчитывал, что Дин Сяочжу сразу составит меню особенно хорошо, иначе зачем был бы нужен он, учитель? Поэтому он медленно рассказал Дин Сяочжу меню, которое составил сам.

Это меню было продумано очень искусно: мясные и овощные блюда сочетались друг с другом, взаимно подчеркивая достоинства. Оно одновременно удовлетворяло требования учителя и учитывало вкусовые предпочтения разных гостей. Любишь ли ты соленое и острое, или предпочитаешь кисло-сладкое - в этом меню можно было найти блюда, подходящие по вкусу.

Кроме того, подбор блюд выглядел весьма достойно. Хотя в основе всё равно были обычные домашние продукты, стоило изменить сочетания, и ощущение сразу становилось другим.

Услышав это, Дин Сяочжу посмотрел на него с восхищением.

— Учитель, вы и правда потрясающий.

Гу Дао махнул рукой, притянул к себе лист бумаги, велел Дин Сяочжу растереть тушь и сразу записал меню, по привычке дав каждому блюду праздничное название, подходящее для дня рождения.

Гу Дао только закончил писать и уже собирался передать список Дин Сяочжу, чтобы тот как следует его изучил, как снаружи донесся крик:

— Брат Гу!

Голос был похож на Чжан Чэнфу.

Дин Сяочжу поспешно побежал открывать дверь и увидел, что это и правда супруги Чжан Чэнфу. Гу Дао в душе удивился. Сейчас только-только миновал полдень, как раз самое оживленное время на пристани. Почему же они не у лотка, а прибежали к нему? Неужели с лапшичным лотком что-то случилось?

Гу Дао поднялся, вышел вперед и спросил:

— Старший брат Чжан, что-то произошло?

Чжан Чэнфу покачал головой, не скрывая радости на лице.

— Что может случиться на пристани? Даже если и случилось, то хорошее. Брат Гу, ты не представляешь, как хорошо сегодня шла торговля! Пришли не только люди с пристани, но и многие жители уездного города специально прибежали есть лапшу. Сегодня мы с женой вымотались до невозможности. Столько порций подливок - и все продались еще до полудня.

— Жители уездного города? Побежали на пристань есть?

Гу Дао знал, что от уездного города до пристани всё-таки есть расстояние. С чего бы горожанам вдруг идти на пристань за едой?

Чжан Чэнфу сказал:

— Это ведь вчера Сяо Ва пришел ко мне и заказал несколько чашек лапши. Потом неизвестно как по уездному городу разошлась весть, что эти подливки делаешь именно ты. Сегодня ко мне пришло немало городских поест, и еще до полудня уже выстроилась очередь. Рабочие с пристани даже поест не успели, все мне жаловались. Как только всё продано, я сразу закрыл лоток и прибежал к тебе. Побеспокою тебя завтра сделать еще больше. Думаю, если каждого вида будет по пятьдесят порций, всё равно продадим.

Чжан Чуньлай тоже с улыбкой подхватила:

— Да, брат Гу, ты не знаешь, сколько сегодня было людей. Мы с мужем крутились так, что голова шла кругом. Особенно подливку из куриных потрохов и картофельное пюре с мясным соусом - их заказывали больше всего. Такого ведь даже в больших ресторанах уездного города нет, вот все и бегут к нам есть.

Услышав, что продается так хорошо, Гу Дао в душе тоже обрадовался. Но делать по пятьдесят порций в день, а три вида подливок - это уже сто пятьдесят порций, работа и правда немалая. Одному ему было бы никак не управиться.

Он посмотрел на стоявшего рядом Дин Сяочжу и как раз собирался спросить, согласится ли тот приходить к нему помогать; разумеется, заработка он его не лишил бы.

Но Дин Сяочжу ответил первым:

— Учитель, я справлюсь.

Можно учиться готовить, да еще и деньги получать - Дин Сяочжу всем сердцем и глазами был рад, разве мог он отказаться?

Раз Дин Сяочжу согласен, у Гу Дао больше не было поводов для сомнений, и он тут же ответил:

— Хорошо. Тогда завтра в тот же час придешь за подливками.

Чжан Чуньлай сказала:

— Договорились.

Супруги радостно пришли и так же радостно ушли. Гу Дао велел Дин Сяочжу дальше изучать меню, а сам отправился к тете Лю по соседству заказать еще свежих овощей.

Когда тетя Лю услышала, что подливки Гу Дао на пристани хорошо продаются, она от всего сердца обрадовалась за него. Старшая невестка Лю испытывала то же самое. Ведь Гу Дао все овощи покупал у их семьи. Если дело у Гу Дао шло хорошо, значит, и их овощи хорошо продавались. Не стоит недооценивать эти деньги за овощи: они немало прибавляли дохода семье. Старшая невестка Лю каждый день считала: если так сможет продолжаться и дальше, она тоже сумеет отправить ребенка учиться к сюцю.

В мгновение ока настал день, когда по договоренности нужно было показать меню учителю. Гу Дао взял с собой Дин Сяочжу, воспользовался ослиной повозкой супругов Чжан Чэнфу и вместе с ними отправился в уездный город.

Всю дорогу Чжан Чэнфу с особым воодушевлением рассказывал Гу Дао, насколько теперь

шумно идет торговля у лапшичного лотка. Когда они добрались до пристани и Гу Дао только сошел с повозки, он увидел: всё действительно было так, как говорил Чжан Чэнфу. Лоток еще даже не открылся, а перед ним уже выстроилась хоть и не слишком длинная, но очередь. Кто-то, завидев супругов Чжан Чэнфу, еще издали поздоровался и закричал, чтобы они скорее варили лапшу.

Увидев это, Чжан Чэнфу тоже не посмел медлить. Он торопливо попрощался с Гу Дао и, радостно улыбаясь, повел жену к лапшичному лотку: разводить огонь, месить тесто - хлопотать так, что душа пела.

Гу Дао, видя это, не стал идти мешать супругам и велел Дин Сяочжу вести его к дому учителя в уездном городе. Дин Сяочжу, правда, немного не хотел уходить: шел и то и дело оборачивался, с большой неохотой глядя на лоток Чжан Чэнфу. Какой повар не мечтает, чтобы его мастерство так любили, чтобы люди готовы были идти издали и стоять в очереди ради одной чашки? Дин Сяочжу завидовал до невозможности.

Но он знал: с его нынешним мастерством до такого уровня еще очень далеко. Он не унывал; напротив, в сердце у него разгорелось еще больше усердия.

Они шли примерно время, за которое сгорает ароматическая палочка, и только тогда добрались до дома учителя. Он стоял в узком переулке за задними воротами уездной академии. Вход был неширокий, но построен очень изящно. За воротами росло большое финиковое дерево с пышной листвой, отбрасывая на каменные ступени у входа широкий кусок тени.

Дин Сяочжу перед воротами привел в порядок одежду и уже собирался вести Гу Дао вперед стучать, как вдруг большие двери открылись изнутри. Оттуда вышли двое молодых мужчин и мужчина средних лет с короткой бородкой. Несколько человек беседовали очень приятно, у всех на лицах были улыбки.

Гу Дао не знал, кто эти двое, но Дин Сяочжу, похоже, разглядел. Он тут же схватил Гу Дао за рукав и, стиснув зубы, тихо прошипел ему на ухо:

— Учитель, это те самые новые повара с южной стороны. Что они здесь делают? Неужели пришли отбивать у нас дело? Вот уж бессовестные.

Гу Дао слышал от Дин Сяочжу кое-что о новых поварах с южной стороны. Делом занимались два брата, их звали Фан-да и Фан-эр. Хотя появились они только в прошлом году, но благодаря неплохому мастерству в окрестностях их довольно любили. В уездном городе они тоже держались уверенно: немало семей были готовы звать их готовить застолья. Только неизвестно, почему сегодня они пришли к дому учителя.

Пока они говорили, братья семьи Фан тоже заметили их. Они ничуть не смутились и даже прямо направились к Дин Сяочжу.

— Неужели ты и есть Дин Сяочжу?

Они даже не пожелали назвать его поваром Дином.

Дин Сяочжу от злости резко вздохнул, грудь его дважды тяжело поднялась и опустилась. Он вскинул подбородок и грубым голосом сказал:

— Да, и что?

Фан-да тихо хмыкнул и уклончиво произнес:

— Ничего.

После этого он поклонился мужчине с короткой бородкой позади себя, прощаясь, а Дин Сяочжу и Гу Дао просто обошел вниманием. От такого поступка Дин Сяочжу разозлился до невозможности. Он повернул голову, свирепо уставился на братьев Фан и выругался:

— Чужое дело отбивать - совсем совести нет.

Братья Фан оглянулись и с вызовом посмотрели на Дин Сяочжу, будто тот был всего лишь жалким шутком, скачущим на помосте.

Как Дин Сяочжу мог это стерпеть? Он тут же сжал кулаки и уже собирался пойти вперед, чтобы показать братьям Фан, какого цвета бывает настоящая злость. Но прежде чем успел сделать шаг, Гу Дао схватил его за руку.

— Учитель!

Гу Дао похлопал его по плечу и чуть приподнял подбородок в сторону ворот.

Дин Сяочжу проследил за движением Гу Дао и вскоре понял его смысл. Стоявший у ворот мужчина средних лет был не кем иным, как управляющим учителя Дина - Дин Мином. Учитель всегда больше всего ценил правила приличия. Если он узнает, что Дин Сяочжу прямо у ворот сцепился с братьями семьи Фан, да еще сам первым полез в драку, тогда, какими бы глубокими ни были отношения между его тестем и учителем Дином, о пире в честь дня рождения семьи Дин ему можно было бы больше не думать.

Дин Сяочжу словно очнулся от сна. В душе у него поднялась волна запоздалого страха, но обида всё равно не уходила.

— Учитель, так мы просто будем смотреть, как они отбивают у нас дело?

— Отбили они его или нет - еще неизвестно.

<http://bllate.org/book/17822/1741685>